

*Я посвящаю эту книгу
моей драгоценной Меган,
которая придумала название,
и Богу, которому я обязана
лучшими мгновениями жизни.*

Пусть медленно, как сон, растёт прилив,
От полноты немой,
Чтобы безбрежность, берег затопив,
Отхлынула домой.

*«За волнолом»
Лорд Альфред Теннисон¹*

¹ Перевод Григория Кружкова (*здесь и далее прим. пер.*).

Глава 1

Джиллиан Пэрриш стояла босиком на прохладном газоне заднего двора и смотрела в телескоп. Стараясь не поддаваться страху темноты, она плотнее прильнула к объективу и сосредоточилась на маленьких ярких точках в созвездии Кентавра. Затем медленно отошла назад, глядя в ночное небо и представляя, что вместо травы под ногами песок, а рядом шумит океан и звезды засыпают под убаюкивающий плеск волн. Ей вдруг вспомнился миф о бессмертном кентавре: не в силах терпеть мучительную боль, он умолял богов прекратить его страдания, и тогда Зевс милостиво даровал ему смерть и место на небосводе... Жаль, что для нее такой вариант невозможен.

Джиллиан села в траву, машинально покрутила кольца на левой руке и пожалала плечами. Бывшему мужу теперь наплевать, а родители ни за что бы этого не допустили. Ведь если она вдруг исчезнет, им придется тащиться в полицию и мучительно вспоминать имя дочери, а ее призрачное лицо на ночном небосклоне будет вечно напоминать им о проваленной попытке воспитать достойного внимания ребенка.

Тонкое обручальное колечко с бриллиантом скромно жалось к массивному бабушкиному кольцу. Конечно, отправиться в вечную ссылку на небеса — не единственный выход. Есть и другие способы избавления от боли. Однако Джиллиан давно усвоила, что за все нужно платить. Она сдернула с пальца обручальное кольцо и бросила его в ночное небо. Сверкнув в тусклом свете фонаря, белый камешек упал, словно крошечная звезда, и затерялся в траве.

Джиллиан со вздохом поднялась на ноги и мысленно поблагодарила бабушку за сказки и легенды, которые помогали мириться с несправедливостью жизни. Правда, им все же не удалось подготовить ее к очередному удару судьбы: кто ожидал, что муж устанет от бесплодных попыток завоевать ее любовь и уйдет к предприимчивой официанточке из «Хутерс»?

Сложив треногу, Джиллиан взяла телескоп и побрела через заросший газон к дому — заканчивать сборы. На ступеньках крыльца она обернулась, чтобы взглянуть напоследок в ночное небо Джорджии. Падающая звезда яркой вспышкой пронеслась над головой и навеки погасла. В этот момент Джиллиан Пэрриш Райан вдруг отчетливо поняла, что давно повзрослела. В тридцать два года пора, наконец, перестать верить в сказки о вечной любви и встретиться со своими страхами лицом к лицу.

— Джилли-Дилли!

Положив руку на внушительный беременный живот, она повернулась к дочери. Светлые волосы

семилетней Грейс золотились в лучах мартовского солнца. Джиллиан распахнула заднюю дверцу минивэна «Вольво».

— Что, моя хорошая?

— А пасхальный кролик сможет найти наш новый дом?

Кролики, шоколадные яйца и пасхальные шляпки совершенно вылетели у нее из головы. Три месяца после развода прошли как в тумане — порой она забывала принять душ и с трудом заставляла себя вставать по утрам с кровати. Санта-Клаус и пасхальный кролик казались сейчас чем-то бесконечно далеким. Джиллиан помассировала виски, но давящая боль по-прежнему не унималась.

— Вот черт, — пробормотала она еле слышно.

— Нельзя так говорить! Это неприлично! — Грейс подошла ближе.

Впервые за долгие месяцы Джиллиан внимательно взглянула на дочь. Челку не мешало бы подстричь, а этим блестящим красным туфелькам давно пора отправиться в мусорку — и вроде она их уже выбрасывала. Хорошо хоть не белые. Нельзя надевать белые туфли до Пасхи!.. Джиллиан чуть было не сказала это вслух. Нравоучения матери вечно всплывали в памяти в самое неподходящее время, отравляя ей жизнь.

Она убрала волосы с бледного дочкиного лба.

— Извини, детка. Ты права — конечно, это неприлично. А пасхальный кролик обязательно тебя найдет. Обещаю!

Грейс забралась на заднее сиденье машины.

— А где Пятныш?

Тут же, как по сигналу, пятнистый серо-черный кот прошмыгнул в машину и уютно разместился на коленях у своей маленькой хозяйки. Он сверкнул на Джиллиан холодными зелеными глазами, словно говоря: «Так и быть, я согласен терпеть твое присутствие, но тогда и ты терпи мое. Теперь нам троим нужно как-то приноравливаться друг к другу». Грейс крепко обняла кота, который явно считал себя собакой; посмотрев на него с благодарностью, Джиллиан захлопнула дверцу.

А затем в последний раз взглянула на кирпичный дом в колониальном стиле, который почти десять лет был центром ее жизни. На веранде одиноко стояло кресло-качалка Рика — единственный предмет мебели, который он пожелал оставить себе. Все остальное продали, увезли или пристроили на хранение. Кресло покачивалось от ветра, словно издевательски кивая на прощание. Поднявшись по ступеням, Джиллиан вынула изо рта жевательную резинку и приклеила ее на зловердное сиденье. Жвачка тут же начала плавиться под лучами не по сезону теплого мартовского солнца. Не оборачиваясь, Джиллиан села за руль и завела мотор; ребенок в животе яростно пинался в знак протеста. Так началось самое долгое путешествие в ее жизни.

От волнения она вцепилась в руль побелевшими пальцами, хотя ехать от Атланты до острова Паули в Южной Каролине было не очень далеко, да и маршрут казался несложным. Раньше Джиллиан никогда не жила одна и поэтому редко сидела на водительском месте: роли внучки, дочери, жены избавляли от этой необходимости. «Вольво» полз

в правом ряду, и нетерпеливые попутные машины то и дело его обгоняли, окутывая лобовое стекло сердитым облаком пыли.

Грейси что-то напевала, раскрашивая картинки, а потом заснула. Пятныш пристроился рядом, сомкнув наконец бдительные глаза. Дочка улыбалась во сне — совсем как и сама она в детстве. Бабушка Пэрриш говорила, что малыши во сне разговаривают с ангелами. Джиллиан перевела взгляд на дорогу и грустно усмехнулась. Если бы ангелы уделили ей хоть пару минут, уж она бы нашла, что им сказать.

Грейси вздохнула и повернула голову; в зеркале заднего вида мелькнула ее счастливая сонная улыбка и ямочка на щеке. Сердце Джиллиан сжалось. С самого рождения дочь стала единственным лучиком света в ее серой жизни. Они были абсолютно разными — и внешне, и по характеру, но между ними всегда существовала нерушимая связь. Хотя сложно было сказать, в чем именно она заключалась. На Джилли вновь нахлынуло острое чувство вины, ведь когда-то она категорически не хотела становиться матерью.

Ребенок резко шевельнулся в животе, решив напомнить о своем присутствии. *Двое детей!* Как же это вышло? Она тихонько рассмеялась — все лучше, чем плакать, — и свернула на автомагистраль в направлении юга. Машин стало заметно меньше, так что Джиллиан даже осмелилась включить радио с кантри-музыкой. Низкие багровые облака обнимали вечернее небо, словно любящие отцовские руки, и ее вдруг охватило смутное вол-

нение. Более тридцати лет она называла своим домом Атланту, хотя помнила о том, что густой воздух морских болот Южной Каролины всегда ждет ее, словно любимую блудную дочь. Возможно, поэтому все здесь казалось родным: влажный климат, качающиеся на ветру карликовые пальмы. Каждый год она приезжала погостить в бабушкином пляжном доме на острове Паули: эти поездки яркими вспышками освещали унылый пейзаж ее детства. Целыми днями они с бабушкой Пэрриш выискивали в песке моллюсков и собирали ракушки. Став постарше, именно здесь испытала она первую влюбленность и первый поцелуй. Те летние месяцы были спасительным прибежищем — как раз это им с дочкой сейчас и нужно. Бабушки давно не стало, но остров по-прежнему занимал особое место в сердце Джиллиан, как и запах свежескошенной летней травы.

Щурясь в сгустившихся сумерках, она вглядывалась в дорогу, боясь пропустить поворот на Джорджтаун, и успевала замечать новые поля для гольфа, магазинчики с пляжной мебелью и акульки пасти сувенирных лавок. Свернув с главной дороги, Джиллиан миновала городки Мерреллс-Инлет и Личфилд-Бич и еще раз свернулась с картой. Почти на месте.

А вот и проселочная Норт-Козуэй-роуд. Стало темнее, и багровые облака превратились в огромные мрачные фигуры. Последний раз она приезжала на Паули более шестнадцати лет назад, однако дорогу помнила безошибочно. Ночные звуки с прибрежных болот наполняли воздух радостным волнением. По

радио звучала местная пляжная музыка 60-х годов, но Джиллиан выключила приемник, чтобы лучше слышать звенящий лягушачий хор.

Пошевелилась и выпрямилась Грейс.

— Джилли-Дилли, Лорен говорит, нам нужно срочно остановиться!

Джиллиан едва не выпустила руль. *Ох, Грейси, ну почему из всех имен для воображаемых друзей ты выбрала именно это?*

— Солнышко, мы почти приехали. Тебе просто приснилось. — Кроме них, на дороге не было ни души, лишь справа вдалеке светились огни старенькой гостиницы «Пеликан Инн». — Все хорошо.

Вдруг что-то невысокое и темное метнулось под колеса, и Джиллиан ударила по тормозам. Перед капотом мелькнули горящие желтые глаза, а в следующую секунду стальная машина с тошнотворным стуком ударилась в мягкое тело какого-то животного. Джиллиан машинально крутанула руль, машина вылетела на встречную полосу и врезалась в металлический отбойник. В лицо выстрелила подушка безопасности.

Автомобиль замер. Что-то теплое и липкое потекло по лицу Джиллиан и закапало на колени. Грейс с легким щелчком отстегнула ремень, вскарабкалась на подлокотник водительского кресла и погладила мать по щеке.

— Не волнуйся, Джилли-Дилли, все будет хорошо!

Джиллиан протянула руку и быстро ощупала маленькое, худенькое дочкино тело. Слава богу, малышка не пострадала.

Грейс взглянула на нее, лукаво прищурившись.